

Четвертое измерение человека

Проблема четырех вопросов

В психологии и антропологии с глубокой древности возникали многочисленные «жесткие», структурные и «мягкие», образные представления о пространствах бытия человека, его конструктах, инстанциях, конституции, измерениях. В ряду этих представлений ясно выделяются четыре исходные вопроса, если угодно, четыре метафизические запроса, связанные с природой обращенности, взгляда вглубь указанной проблемы. К этим метафизическим вопросам относятся следующие построения: «Что есть человек», «Как есть человек», «Почему есть человек», «Зачем есть человек».

Абсолютное большинство антропологических концепций, начиная с возникновения 25 веков назад осевого времени (по Ясперсу), времени «очеловеченного» пространства, как на Западе, так и на Востоке, вплоть до XX века занималось описанием бытия человека, отвечая на вопрос «что», исходя из подобия его каким-либо внешним сущностным, субстанциальным понятиям (идея микрокосма, идея подобия Богу, носителя духа, носителя взаимопредназначенности духа и тела, социоцентристские и теоцентристские концепции, теории черт, телесноориентированные теории, в том числе выдвинувшие концепции конституциональных типов человека в зависимости от телесного сложения и типов реагирования и обменных процессов (см., например, 24), концепции шкал и измерений, в том числе гештальта и поля, культурных текстов и др.). Проблема «как» освещалась в антропологии с различных позиций, ее отличал взгляд на человека с точки зрения некоторых нормативных актов «пути», взрос-

ления, служения как представителя человеческого рода: теологические концепции «спасения», позитивистские типологические концепции, в том числе концепции «возрастов», персонологические концепции, этико-религиозные системы и вообще метафизические системы, обращенные к идее равновесия человека и мира, а потому дававшие человеку возможность ощутить точку опоры. Вопрос «почему» вот уже почти 100 лет продолжает оставаться в центре экспериментально ориентированной антропологии, практически вся современная психология и этнология занимается исследованиями этой динамической проблемы человека и личности. С разных сторон к данной проблеме подходят динамические теории личности, в том числе психоанализ, которому принадлежит открытие в человеке инстанций, различных уровней и пространств бытия, психосинтез, психогенетика, когнитивная психология, функционализм, бихевиоризм, частично телесноориентированные концепции, например теория Райха и его последователей, этологические имитационные теории и др.

Триадическая структура основного запроса породила триадическую же структуру в цепочке понятий, отвечающих на поставленные метафизические вопросы о конструктах, инстанциях человека: тело-душа-дух, индивид-персона-индивидуальность, бессознательное-я-программа-сознание, многочисленные «конституциональные» триадические модели (итальянская школа, различные немецкие школы, англо-американские школы, русская и советские школы и т.д., см. 24, 39, 40, 42, 48).

Четвертый метафизический вопрос никогда не рассматривался в рамках какой-то одной культурной, религиозной или научно-позитивной концепции или традиции. В различные времена и эпохи, в различных культурных традициях к нему часто относились как к телеологическому понятию, отождествляя его с тео- или антроподицеей. Проблема, однако, состоит здесь в том, что за данным вопросом скрывается принципиально иной взгляд на человека и личность, взгляд, который предполагает наличие в самом человеке, его личности другого, четвертого пространства или вообще других пространств, интенций, инстанций, измерений (предлагаю понятие «измерение» в качестве гипотетического, рабочего), одновременно выделяющего его из окружающего мира и соединяющих его с ним, т.е. пространство, уравнивающих всю триадическую структуру личности с миром, средой обитания, социумом и самим собой.

Различные аспекты этого взгляда на проблему человека можно обнаружить в самых разнообразных антропологических подходах. Этот взгляд содержится в философско-антропологических концепциях, выдвигавших идею интенциональности, самопроецирования человека на окружающий мир, в том числе в греческой традиции в понятии «телос», а в философской системе Аристотеля — в его понятии энтелехии, как перехода от потенции к организованно проявленной энергии, содержащей в себе самой материальную субстанцию, причину самой себя и цель своего развития. У Лейбница данный взгляд описан в понятии монады, также называемой энтелехией. К таким взглядам можно отнести многочисленные философские и религиозные концепции, связанные с проблемой воли, точнее свободой воли, как античные, средневековые, так и нововременные (особенно в немецкой, французской и русской традициях), а также концепции, связанные с понятием кармы как всеобщей причинности (в индуизме) и как закона мирового равновесия (в буддизме и даосизме), и с проблемой «пути», становления, восхождения к Единому (дао, тарикат, Царствие Небесное).

Разделяют этот взгляд концепции и подходы, ориентированные на вчувствование в глубину переживаний личности. К ним можно отнести экзистенциальные и персоналистские и трансперсоналистские построения, выдвигающие идею потока, текучести, открытости, диалогичности и уникальности личности. Хорошо представлен указанный взгляд на проблему вчувствования в крупнейший мировых религиозных и эзотерических течениях, также в космологических системах Запада и Востока (мистериальных и шаманских культах, даосизме, буддизме, индуизме, авраамитических религиозно-философских системах, в алхимии и др.). В ряду наиболее важных состояний, связанных со входом в иные пространства бытия человека, обнаруженных в различных традициях, хотелось бы выделить такие компоненты переживаний, как страдание, состояния смерти-воскрешения, прозрения, откровения, покоя, созерцания, катарсиса, просветления, «освобождения», аскезы. Другая важная деталь указанных переживаний, особенно по отношению к состоянию диалога, хорошо освещенная в авраамитической традиции, представляет собой «сердечное зрение», или, как это описано в т.н. отрицательном богословии, истинное ведение, тождественное неведению и невидению, достигаемое постепенным отстране-

нием от всего сущего. Сосредоточение на «сердце-уме» встречается также практически во всех эзотерических и духовноориентированных практиках (см. 61, 7, 6).

В авраамитических традициях, в частности в суфизме, очень важно отметить кораническую по происхождению идею «нового творения» (наиболее полно рассмотренную в трудах Ибн Араби (1165-1240)). Данная идея напрямую связана со структурой иных пространств бытия человека, обнаруженных при особых состояниях ума, направленного на постижение «интеллигибельных сущностей», в частности атрибутов, имен, архетипов, и достигаемого одновременным состоянием человека вне времени и внутри временного потока (см.: 17, 65). Четвертый метафизический вопрос затрагивается и в гуманистической психологии и психотерапии, в том числе гипнотерапии и трансперсональной психологии, особенно в школах и течениях конца XX века, где предпринимаются сходные с традиционными духовными практиками усилия, направленные на самораскрытие человека, включающие эмпатию, безоценочность, открытость человека человеку и человека самому себе, облегчающую его самостоятельный выбор. Близко подходит к нему и психоанализ, как классический, так и современный, рассматривая глубинные конфликты экзистенции человека и выделяя мощные пороговые, защитные механизмы личности и пути интеграции человека, достижение им своей «самости». Кроме того, его касается и та часть современной психологии, включая психосинтез и экзистенциальный анализ, которая ориентирована на раскрытие мотива, самосознания личности, проблемы духовного или высшего «Я», проблемы смысла человеческой жизни как основной проблемы психотерапевтической антропологии.

Наконец, четвертый метафизический вопрос возникает уже более двух тысячелетий в тех направлениях философских, психологических и парапсихологических традиций, включая алхимическую и астрологическую, которые касаются проблемы «судьбы». В связи с последней следует сказать следующее. Все существующие эзотерические и многие философские традиции, особенно в средневековье, эпоху Возрождения и в конце XIX века, затрагивали в той или иной мере различные метаязыковые подходы к картографированию пространств человека. В то же время уже в Средние века во многих, особенно философских школах как на Западе, так и на Востоке, велись, и не только в рамках герметизма и гностицизма, достаточно ожесточенные

дискуссии по вопросу свободы воли, в том числе относительно верификации символической картографии, а также относительно самой природы предсказаний, справедливо связывая ее с проблемой выбора. В этих традициях, на Востоке в особенности, где спокойно воспринимались любые описания (вопрос «что») смыслопорождающей структуры, в том числе структуры антропокосмоса из конфигурации «звезд», осуждению подвергались те «звездочеты», которые брались накладывать на описание индивидуальной карты некий свой «выбор судьбы» (см. 7, 12). Любопытно отметить, что новоевропейская наука, в том числе астрологическая, с глубоким пиететом относившаяся к блестящим достижениям средневековой восточной мудрости, где астрология занимала достойное, спокойное место внутри философской картины мира и человека, заимствовала у восточной традиции как раз предсказательную часть, оставив практически без внимания плодотворные мировоззренческие дискуссии на этот счет.

И последнее. Все упоминания об иных пространствах человека, кроме триадической структуры, неизбежно упоминали в этой связи проблему «совершенного человека», «гармонически развитую» личность, «благородного мужа», «посвященных», «просветленных» и т.д. (см. 16, 15, 23, 51, 60). Переноса таким образом проблему личности в область противопоставления сакрального и профанного, элитарного и простонародного, все указанные направления неизбежно упирались в проблему глобального выбора, самой сути «спасения», заложенной внутри человеческой природы. Новоевропейская наука немного изменила этот подход, сделала его более зависимым от опыта, эксперимента, но не смогла предложить решение проблемы спасения, в том числе и потому, что не преодолела собственного инфантильного скепсиса, особенно по отношению к проблеме веры и знания, особенно веры в себя и знания себя самим человеком.

**Видение проблемы конституции человека
в теории и практике гомеопатии
(современной информационной терапии,
основанной на принципе подобия)**

В гомеопатическом методе, который можно было бы обозначить как новоевропейскую попытку (наиболее развитую среди других аналогичных европейских подходов) воплотить принцип подобия и картографирования человека в реальную тера-

певтическую практику, за основу был принят принцип отрицательного подобия (подобий патологии) человека среде его обитания. Концепция трех основных миазмов (типов реакций и обмена) человека — сикоза, псоры и люэса или альтерации, предложенная отцом гомеопатии Ганеманом, совпадая с триадической структурой личности, привела к появлению идеологии т.н. конституционального подхода или, как его называют в современной гомеопатической литературе, онтогенетического миазма (в современной гомеопатии некоторые школы называют четвертый миазм туберкулинизмом или глубокой псорой). При этом под термином конституциональный тип, за которым стоит один или несколько гомеопатических препаратов, т.е. определенный набор информации, подразумевается не столько набор патологических симптомов, в основном соматических, сколько описание психоментальных проявлений, обозначенных классиком гомеопатии Дж.Кентом общим понятием «mind» (см. 1, 10, 19, 27, 28, 45, 46). На сегодняшний день можно насчитать несколько десятков конституциональных информационных типов, которые, если применяющий их терапевт угадает совпадают ли они с типом пациента, пересылают, иначе, назначают пациенту, как бы отзеркаливают его, в виде препаратов либо в виде плацебо, оказывающихся крайне эффективными. Иначе говоря, методом симптоматического информационного поиска гомеопат может нащупать в пациенте то самое пространство, в котором обнаруживается принципиально иной тип стабилизации организма, саморегуляция, самобаланс. Если проанализировать арсенал всех имеющиеся на сегодняшний день гомеопатических школ и традиций (немецкой, англосаксонской, американской, французской, индийской, русской, украинской), можно обнаружить два основных течения. Первое угадывает конституциональный тип из множества симптомов, второе занимается адаптационным лонгитюдом, очищением, часто занимающим десятилетия и оказывающимся наиболее эффективным при семейной терапии. При этом оба направления отчетливо связывают свои действия с концепцией стресса, получая постоянно т.н. гомеопатические обострения, телесные страдания, связанные с тем, что при соответствующем очищении пациент телесно припоминает все предыдущие стрессовые факторы, болезни либо травмы и выдает их наружу в виде соответствующего синдрома, правда кратковременного.

Общим мировоззренческим подходом в гомеопатии остается подход к человеку как к целостному организму, но с точки зрения неизбежной патологии, вечной муки, пусть даже и в рамках конституционального типа с его психоментальными особенностями.

Четвертая инстанция человека как его матрица

Обнаруженные в различных взглядах, экспериментах, подходах и традициях иные пространства человека предполагают существование в структуре **Я** некоторого стержневого звена, запускающего механизм «золотого», оптимального отбора, выбора человека своей модели интеграции **Я** и высшего **Я** не только и не столько через внешний центр или идеал, а путем обнаружения в самом себе принципиально иного по своим интегративным свойствам состояния. Эта центральная программа, обозначаемая в гомеопатии как конституция, может быть гипотетически обозначена как четвертое измерение человека, она раскрывает возможности саморазвития и самоотжествления личности, серьезно расширяя ее возможности творческого поиска, гармонии бытия, саморегуляции и самоактуализации, т.е. использования себя как донора, на основании своих собственных уникальных ресурсов. Человек, таким образом, наделен матрицей, т.е. собственным свойством самопорождения, обладающего одновременно качествами состояния и потока, единичности и взаимодействия, целостности и сложности, процесса выбора жизни и смерти, добра и зла, патологии и нормы, и соответственно ответственности за этот выбор. Для выявления матрицы, представляющей собой идеальную неравновесную причинную модель, предназначенную для уравнивания, баланса, интеграции личности человека, нужен иной вариант синтеза традиции и позитивной науки, поскольку одним из ее свойств также оказывается и то, что взгляд на нее с позиций интуитивно-конституциональной гомеопатической терапии и симптоматической патологии, т.е. диагноза, часто не может выявить в ней само существование четвертого измерения личности.

Проведенные кросскультурные и междисциплинарные исследования показали, что конституциональная, матричная программа человека, вводящая его в четвертое измерение, подчиняется закономерности развертки т.н. натуральных чисел, иначе универсальных символических моделей-матриц, известных еще

со времен пифагорейцев. К этим космологическим моделям относятся, в частности, троица, четверица или структура «утро, день, вечер, ночь», составлявшая основу для древнейшей темпераментальной картины. В структурной антропологии четверица составляет основу главной антропологической категории — «осевого времени». Относится к ним и пентаграмма, лежащая в основе древнекитайской картины мира, которая при саморазвертке превращается в гексаграмму, далее десятиричную, а затем в двенадцатиричную модель пространства-времени, этой последней посвящены практически все известные древние и средневековые мировоззренческие и гармонические системы. Семиричная модель, известная в индийской традиции как система чакр, в европейской как система семи (планет, нот и т.д.), составляя основу «музыки сфер», представляет собой одну из важнейших моделей в конституциональной структуре человека. Эннеаграмма, девятиричная модель, представленная как космогоническая модель в арабо-мусульманской, позже суфийской традиции, входит в состав общесемитской десятиричной модели, «Древа сефирот», а как самостоятельная структура она совпадает с известной во многих традициях структурой троичного или пифагорейского, иначе «магического» квадрата, имея гексаграмму в качестве своей базис-схемы (см. 38, с. 42—168). В эннеаграмму входит также еще одна универсальная модель — восьмиричная — известная из арабо-мусульманской, китайской и тибето-монгольской традиций (см. 21, гл. 2).

К числу онтологических, смыслопорождающих моделей-матриц относятся, в первую очередь, четные натуральные числа, в частности восьмерка и десятка, которые и составляют основу матрицы-конституции как причинного слоя человека. При этом восьмиричная модель отражает внутренние процессы смыслопорождения через самотрансформацию человека, его самопреодоление (тибето-монгольские стихии, восьмиричный буддийский путь нравственного делания, восьмерка как основа становления благородного человека в «Книге перемен»), десятиричная модель содержит в себе азбуку смыслов как данность, а также вочеловечивание этих смыслов в мир человеческих архетипов (каббала, в переводе означающая «введение, приближение»). Нечетные числа, в частности семерка и девятка отражают гносеологические модели, закономерности взаимодействия с внешним и внутренним Космосом, т.е. интенциональное положение человека внутри универсума как его части в виде намерений, эволю-

ционных и адаптационных импульсов и ресурсов человека, в том числе возможности и пути его внутренней, алхимической эволюции. Двенадцатиричная модель является смешанной и завершающей классический натуральный ряд, в ней отражены, в частности, закономерности саморазвертывания духовного бытия человека как носителя человеческого рода.

В конституциональной, матричной модели, вводящей в четвертое измерение, есть точки этого входа, определяемые, в частности в астрологии, понятием асцендента, восходящего градуса натальной астрокарты, т.е. точки-сигнала, появляющейся в памяти человека в связи с моментом его рождения во времени и пространстве, и тех архетипов — планетных символов (не имеющих отношения к физической картине планет, поскольку речь идет только о картине, воспринимаемой непосредственно земным наблюдателем), которые связаны с асцендентом (см. 26). В этот момент в человеке закладывается матрица, Божий дар, антропокосмический шанс, который дается каждому для вероятностного развития целостной личности, для вероятностного поиска своего «второго рождения», «нового творения». Отождествление со своей конституцией, со своей системой управляющих мифологических структур (планет, архетипов, символов) есть процесс, поток, изоморфный древнекитайскому понятию «дао», суфийскому понятию пути, движению к Атману, высшему «Я», устремленности в Царствие Небесное, восхождения к Единому, который для каждого человека обладает уникальными возможностями достижения гармонии, самопознания и саморегуляции. В этом смысле конституция, матрица, вводящая в четвертую инстанцию, как стержневая психоментальная проблема, как индивидуальный причинный миф, есть как бы программа-максимум, при включении в которую, особенно на уровне размышления или самонаблюдения, происходит мощная переработка пластов бессознательного, это инициирует оптимальную регуляцию временных и энергоресурсов человека и преодоление имеющихся психосоматических блоков, прежде всего за счет активизации сознания, интуиции, веры, духовного поиска, притока необходимой информации и духовной помощи.

Структура личности, таким образом, содержит в себе матричную, конституциональную программу, отвечающую на вопрос «зачем», отождествление с которой носит стратегический и интегративный характер, выводит человека на собственные глубинные источники энергоинформационного потенциала и име-

ет тенденцию к выходу за рамки цикличности как таковой, будь то течение времени вперед или назад. Распознавание человеком этого собственного потенциала протекает поэтому, особенно в глубине экзистенциального кризиса, на фоне и при условии обращения к духовной помощи, духовному источнику, определяемому его собственным запросом, причем меру этого обращения он также вырабатывает сам, на основании собственного духовного, внутреннего опыта. Такая духовная помощь обеспечивает энергией не только процесс самоотжествления, но и процесс самопорождения, поиск распознавания собственных энергоресурсов, в котором надо особо выделить программу «второго рождения», «нового творения».

Это — очень мощная программа, проявленная в человеке телесно, психически или ментально, раскрывает себя в соответствии с принципами троицы или пентаграммы (см. 21, гл. 4, тоже 3, 4, 50, гл. II). Обнаружение человеком этой программы переживается им как уже упомянутый сильнейший экзистенциальный кризис, кризис самоопределения, поиска смысла жизни и ее цели, и одновременно проявления колоссальной стрессоустойчивости и различных творческих способностей. Данные моей практики и практики коллег позволяют высказать по этому поводу несколько гипотетических предположений. Указанная программа сопровождает скрытно всю человеческую жизнь, проявляясь, заявляя о себе исключительно в моменты экзистенциальных кризисов, кризисов выбора пути развития, к которым можно отнести всю ту цепочку подобных кризисов, которая была описана, например, классиками психоанализа и возрастной психологии (см. также 4, гл. 2-6) как цепочка переходов от возраста к возрасту. Я, однако, думаю, что каждый данный переход есть зона непосредственного действия программы «второго рождения», при этом степень и формы ее проявления определяются самой матрицей. Для каждого матричного гнезда, описываемого восьмиричной моделью (см. 26, с. 120-131), есть свои способы достижения «второго рождения», притягивающие свою временную и пространственную (культурную) зону, свой возраст проявления программы второго рождения и выбора направления и смысла жизни, но при этом одна из наиболее острых и даже трагических зон проявления программы второго рождения у всех восьми гнезд — это зона т.н. кризиса «середины жизни», чреватая многолетними и очень плотными периодами выбора не просто пути развития, но часто жизни и смерти, а также выбора, часто также на грани выживания, духовной помощи и ее источника.

Вообще у программ «второго рождения» есть, насколько это выявилось на сегодняшний день, ряд отличительных признаков, проявляющихся в нескольких планах человеческой жизни. Прежде всего необходимо отметить четкую взаимосвязь этих программ с проблемами и ситуациями борьбы добра и зла, крайне мощными эмоциональными конфликтами, причем не только и не столько в индивидуальной истории, но в истории родовой, семейной, а также в вероятностной «истории реинкарнаций». Поле, на котором происходит эта борьба, затрагивает, как правило, такие эмоциональные и ментальные качели, как обида-прощение, гнев-ярость, справедливость—несправедливость, измена—верность, доминирование—подчинение, осуждение-приятие и чаще всего носит социогенный характер, порождая т.н. социогенное сомнение и крайнее отчаяние в поисках смысла жизни, страх самоотверженности и самопожертвования (хотя именно они составляют основу преодоления себя и проявления жизненного ресурса). Другой признак этих программ кроется в различных, также родовых или «реинкарнационных», состояниях жертвенности и униженности, покинутости и зависимости, комплексов неполноценности, отторженности от осознания себя как личности с такими поведенческими и социальными моделями, как зависимости, изоляция и самоизоляция, с ощущениями страха одиночества и неуверенности, стыда и вины и сопровождающими их состояниями фатальности, крайнего неверия в себя, бесконечного колебания между желаемым и должным, глубокого искажения ценностной картины мира вообще и своего мира в частности. Еще одним таким признаком можно назвать родовые или «реинкарнационные» поведенческие модели бегства, ухода, включая уход из жизни, часто неожиданный или связанный с катастрофой антропогенного или природного происхождения, проявляющиеся в состояниях отверженности, непонятости и неприязности, страха контакта или нападения, страха себя, страха ожидания собственного проявления или поведения, опасения перед своими опасениями (см. 50, гл. II), иногда даже ужаса, крайней обидчивости и протеста, принимающей иногда формы причудливых ментальных конструкций, радикализма в любых его формах, включая богоборчество и атеизм, т.е. исчезновения ощущения реальности и смысла жизни как такового и бегства от них.

При этом, однако, общим для всех программ «второго рождения» является определенный тип личностного запроса, стремление понять себя и заглянуть в себя, готовность взять на себя

ответственность за собственный выбор и собственные поступки и усилия, готовность раскрыться навстречу себе и своим близким, готовность простить и полюбить их, какой бы невыносимой ни казалась исходная ситуация кризиса, всегда сопровождающего подобный запрос. Общим для всех программ «второго рождения» является и определенный ряд сущностных, экзистенциальных переживаний, состояние экзистенциального самоанализа, сопровождающегося следующими проблемами. Во-первых, это проблема принятия бытия как такового, бытия мира, и бытия самого себя, смирение, надеяние, настройка на обращенность вовнутрь себя, рассматривание, наблюдение за своей жизнью, особенно за всеми своими отношениями (партнерскими отношениями, в первую очередь), как за состоянием собственного зеркала, зеркала себя как совокупности тела, души и духа. Во-вторых, это принятие того, что каждый в своем бытии получает только те задачи, на которые способен, и что каждый обязательно находит такой смысл бытия, осуществить который он может и должен. В-третьих, это готовность к мягкому, интуитивному самоотслеживанию, к тому, чтобы спокойно искать и находить возможности и способы самостабилизации, утешения себя, а иногда и самоисцеления, настойчивое, бесконечное нащупывание собственных ресурсов, сколько бы ни продолжалась эта внутренняя работа. В-четвертых, это вера и надежда на счастье, на то, что жизнь в любви есть естественное, природное состояние человека, устремленного к Богу, к Единому, в том числе и прежде всего в себе самом.

Остальные программы личности — это субличностные программы, определяемые, в частности, другими параметрами натальной астрокарты, а также нумерологическими моделями, находящимися за рамками матрицы, основного мифа, они отвечают на метафизический вопрос «как» и, находясь под «патронажем» основной, матричной программы, обеспечивают весь массив адаптационных процессов.

Наши исследования показывают, что вход в конституциональную, матричную программу и через нее в программу «второго рождения» определяет тот субсиндром стресса, который для каждого человека является индивидуальной нормой, вызывающей оптимальную защитную реакцию организма, проявляясь, в частности, в готовности самопринятия и самопреодоления, особенно относительно определенных психозащитных механизмов, характерных для данного матричного гнезда (см. 26,

с. 120-131). Эта конституциональная, матричная программа развертывается в так называемый нормальный, гармоничный стресс (физиологический стресс), и он может быть и эмоциональным, и превентивно-защитным, и когнитивным, и социальным (см. 47), но для каждого человека только определенный вид стресса будет нормальным и гармоничным, точнее, каждый человек своим индивидуальным выбором задает такой гармоничный конституциональный сценарий прохождения стресса, который и приводит к преодолению психозащитных механизмов, оптимально описываемых восьмиричной моделью.

С этой точки зрения процесс отождествления со своей матрицей, конституцией обязательно сопряжен со стрессом, часто весьма болезненным, но не обязательно на телесном уровне (хотя телеснопсихологические особенности представляют собой один из важнейших факторов программ второго рождения, см. 3, гл. 1, 13, 17, 21, тоже, 4, гл. 7). Нормальный стресс характерен тем, что прохождение сквозь него, «отработка», порождает оптимальные волевые импульсы и столь же мощный приток сил сопротивляемости организма воздействиям внешней среды, обращает его вовнутрь себя и ставит перед многочисленными ситуациями выбора, где человек сталкивается, как правило, с рядом важнейших этических и духовных личностных проблем (некоторые из них я называла выше) и втягивается в процесс индивидуации и активного творчества. Кроме того, по мере отработки нормального стресса меняется картина восприятия человека, он становится более толерантным и наблюдательным, сенситивным, у него развиваются различные виды тонкого чувствования, особенно чувствования любви, и интуитивного восприятия, в том числе интеллигибельная интуиция, т.н. сердечное зрение, отчетливая способность к предвидению и предчувствию, часто ясновидение и яснослышание, а также ощущение духовной защищенности, ощущение, что его как будто «ведут», оберегают.

В ряду других стрессов человек может столкнуться с «чужими» для него стрессами, включающими в себя программы семейного патогенеза, средовые программы, ситуационные, случайные программы, от которых человек зависит в силу отсутствия самоотождествления, и они могут оказаться для него избыточными и разрушительными. В ходе практической деятельности выяснилось также, что некоторые избыточные стрессовые ситуации притягиваются в силу отсутствия самоотождеств-

ления и конституционального, матричного баланса входящими в структуру личности субличностными программами-минимум, усиливая дезадаптацию и заставляя человека тратить энергоресурсы и волю на дополнительный поиск баланса и принятие решений по соответствующим проблемам. Более того, патологическая соматическая или психосоматическая картина начинает серьезно усиливаться и часто принимает, к сожалению, необратимый характер, в том числе и тогда, когда субличностные программы заслоняют и подавляют основную, конституциональную матричную программу личности, ее четвертое измерение. Это проявляется в выдавливании нормального стресса все глубже и глубже в бессознательное, и тогда его место занимают «чужие» стрессы, а личность приобретает отчетливые признаки распада, когда ее психозащитные механизмы превращаются в мощные «панцирные» структуры, плотным, малопроницаемым слоем облепляя энергию живого «Я».

Патологическая соматическая или психосоматическая картина начинает усиливаться и в том случае, если личность (или семья, если речь идет о проблемах ребенка) в моменты перехода от возраста к возрасту и особенно в кризисе «середины жизни» избегает духовной практики, причем главным образом в той конфессии, к которой человек принадлежит в силу конкретного культурного ареала, в котором он родился или воспитывался. В этом случае духовная практика выполняет роль «кормящего ландшафта» для матричной программы, а ее важнейшим результатом является преодоление человеком различных форм и видов неверия, в том числе неверия в себя как в подобие Бога.

В ходе исследований выяснилось, что использование гомеопатии представляет собой только начальный этап отождествления личности со своей матрицей, конституцией. Крайне важным оказывается процесс не столько информационного (в данном случае гомеопатического) распознавания организмом «своего» стресса, сколько эмоциональное и духовное проживание принятия себя, интуитивное, волевое делание себя, переживание этого стресса, сопряженное как бы с рождением себя заново, иногда в буквальном смысле. Переживания этого процесса протекают необычайно гармонично и благотворно для человека тогда, когда он проходит сквозь те самые упомянутые выше состояния вхождения в иные пространства своего бытия, которые с глубокой древности были описаны в различных религиозных и философских, а также герметических традициях

(страдание, состояния смерти-воскрешения, прозрения, откровения, покоя, созерцания, катарсиса, просветления, «освобождения», аскезы).

Исследования матричной, конституциональной ситуации нескольких тысяч человек (представители различных городских слоев, лица в возрасте от 4-5 до 70 лет, причем как в России, так и за границей) показали, что имеются значительные различия в степени проявленности матрицы, конституции, четвертого измерения, более того, часто она (а следовательно, и сам гороскоп) остается лишь на уровне заложенной от природы потенции.

Выяснилось, что матрица, конституция проявлена в физическом, психическом или ментальном статусе у следующих групп клиентов: у людей в возрасте от 12-14 до 35 лет и у родителей детей до 4 лет, также у родителей или родственников детей в других возрастах, но гораздо слабее, у самих детей, особенно от 0 до 3-4 лет; в других детских возрастах слабее, у людей, перенесших какую-либо трагедию либо кризис, в том числе в связи с утратой близких либо в связи с какими-то препятствиями для продолжения рода и стремящихся иметь детей, у людей, осознанно верующих (в себя, человечество, Бога, причем каждая из составляющих веры притягивает остальные, например, человек, верящий в себя, неизбежно приходит к вере в ближнего и в Бога); у людей, интеллектуально и духовно развитых либо стремящихся к духовному росту и способных к самонаблюдению и самоанализу; у людей, стремящихся к глобальным переменам в жизни на основе изменения себя, у людей, занятых любыми творческими и гуманитарными профессиями, искусством, профессиями, связанными со спасением людей (или человечества) и с проблемами экологии, с духовно-религиозной сферой.

Матрица, конституция заложена, но не проявлена либо сильно заслонена (т.е. проявлена только в бессознательном, в форме т.н. скрытого послания, которое может, в частности, означать, что оптимально взаимодействовать с конституциональным ресурсом человека можно также бессознательно, например, с помощью интуитивных или трансовых подходов, включая духовные практики), напластованиями семейных, наследственных или средовых программ у следующих людей: у людей, интересующихся только проблемой собственной боли или физического недомогания; у людей, занятых преимущественно физическим трудом; у людей, психологически ориентированных на «донора» либо на незначительную перемену обстоятельств жизни; у лю-

дей, настроенных скептически либо эгоистически, в том числе неверующих, атеистов, у глубоких невротиков (неверие и эгоцентризм есть стержень любого невроза); у людей, не осознающих воздействие на себя массовых или ритуальных бессознательных процессов; у людей с тяжелой наследственной патологией. Непроявленности матрицы, конституции может способствовать идентификация с отличающейся корпоративной замкнутостью профессиональной средой, в том числе армией, бюрократией, коммерцией, сферой массового обслуживания, официальной соматической медициной, официальным образованием, часто со сферой материального производства или вообще со сферой материального; непрявленности врожденной конституции способствует также самоотождествление с любой замкнутой этно-конфессиональной средой.

Матричную, конституциональную программу можно часто обнаружить внутри процесса психологического консультирования по известным психосемантическим и психозащитным механизмам, по телеснопсихологическим особенностям и психогенетическим паттернам, связанным с программой «второго рождения» как нерешенной родовой задачей, по различным устойчивым страховым и другим эмоциональным программам, по устойчивым архетипам и символам бессознательного, по устойчивым поведенческим сценариям, по различным духовным запросам, скрытым, глубинным мотивам и намерениям, устойчивым когнитивным структурам, устойчивым состояниям или сюжетам, которые обнаруживаются внутри трансовых состояний или во сне.

Литература

1. *Ганеман С.* Органон врачебного искусства. СПб., 1885.
2. *Бурбо Л.* Слушай свое тело — снова и снова. М., 2001.
3. *Бурбо Л.* Пять травм, которые мешают быть самим собой. М., 2001.
4. *Г.О.М.* Курс энциклопедии оккультизма. Вып. 1-2. СПб., 1912.
5. *Гроф С.* Космическая игра. М., 1997.
6. *Вернадский В.И.* Очерки и речи. Вып. 1. Пг., 1922.
7. *Вавилова Н.М.* Гомеопатическая фармакодинамика. Ч. 1-2. М., 1994.
8. *Вельховер Е.С., Вершинин Б.В.* Тайные знаки лица. М., 1998.
9. *Беруни А.Р.* Избр. соч. Т. 6. Ташкент, 1973.
10. *Дубровин В.А.* Трудные вопросы классической китайской медицины. Л., 1991.
11. *Каптен Ю.Л.* Основы медитации. СПб, 1991.
12. *Лу Куань Юй.* Даосская йога, алхимия и бессмертие. СПб., 1993.
13. *Ибн Араби.* Мекканские откровения. Каир, 1859. (на рус. яз. отдельные отрывки).
14. *Гранжорж Д.* Дух гомеопатического лекарства. СПб, 1993.
15. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994.
16. *Колесов Е.Н.* Тринадцать врат эзотерики. М., 1999.
17. *Никитин В.Н.* Психология телесного сознания. М., 1999.
18. *Колесова Л.А.* Антропный принцип: четыре стихии // Синергетика. Вып. 1. 1998. С. 149-162.
19. *Колесова Л.А.* Эволюция антропного принципа от стихий к сценариям, ритуалам и культурам человеческой жизни // Синергетика. Вып. 2. 1999. С. 120-132.
20. *Липницкий Г.М.* Гомеопатия. Основные проблемы. М., 1964.
21. *Келер Г.* Гомеопатия. М., 1989.
22. *Колесова Л.А.* и соавт. Программа ЭВМ по психодиагностике «Deltastar 2.1». М., 1998.
23. Психология стресса. М., 1991.
24. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб., 1998.
25. Психология личности. В 2 т. Самара, 1999.
26. *Успенский П.Д.* Tertium organum. СПб., 1992.
27. *Юнг К.Г.* Психологические типы. М., 1995.
28. *Хейзинга И.* Статьи по истории культуры. М., 1997.
29. *Фрейд З.* Толкование сновидений. Киев, 1998.
30. *Торчинов Е.А.* Религии мира. Опыт запредельного. СПб., 1998.
31. *Смирнов А.В.* Великий шейх суфизма. М., 1993.
32. *Kolessova L.* Konstitution im Horoskop // [Astrologie und Medizin] Mossingen. 1999.